

Бытовые практики послевоенного советского города
в памяти жительниц г. Салавата
как пример «совностальгии»

Александр В. Жидченко

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия, travel822@yandex.ru*

Аннотация. Предлагаемая работа затрагивает важные аспекты женской социальной исторической памяти на примере бытовых аспектов (в частности, связанных с практиками деторождения) жизни в советском городе, ставших частью ностальгии по советскому прошлому. Исследование выполнено на материалах устной истории, истории повседневности, этногендерного подхода и теории исторической памяти.

Строительство родильных домов в городах, практики медицинского обслуживания на предприятиях и при женских консультациях в СССР позволили отказаться от многих устаревших традиций, присущих молодым семьям, однако в целом традиционные этногендерные взгляды продолжали присутствовать в жизни горожан в этот период, в том числе и в поведении, связанном с рождением ребенка. Однако символика, связанная с атрибутами рождения детей в 1950–1960-е гг. (родильный дом, торжественная встреча супруги с ребенком), может рассматриваться как часть ностальгии по советскому прошлому. Факторами формирования данной ностальгии выступали: переход от деревенских традиций рождения ребенка к городским практикам; ускоренное принятие решения о рождении ребенка в молодой семье с целью внеочередного получения жилья (комнаты в коммуналке или отдельной квартиры).

Ключевые слова: родильные практики, быт, повседневность, город, история СССР, женская память

Для цитирования: Жидченко А.В. Бытовые практики послевоенного советского города в памяти жительниц г. Салавата как пример «совностальгии» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 2. С. 287–296. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-287-296

Household practices of a post-war Soviet city in the memory of the residents of the city of Salavat as an example of “sovnostalgia”

Aleksandr V. Zhidchenko

*N.N. Miklukho-Maclay RAS Institute of Ethnology and Anthropology,
Moscow, Russia, travel822@yandex.ru*

Abstract. The proposed work touches upon important aspects of women’s social historical memory, which, using the example of everyday aspects (in particular, those related to childbearing practices) of life in a Soviet city, becomes part of nostalgia for the Soviet past. The study was carried out on the materials of oral history, the history of everyday life, the ethno-gender approach and the theory of historical memory.

It can be noted that the construction of maternity hospitals in cities, the creation of a system of medical care at enterprises and at women’s consultations in the USSR at that time made it possible to abandon many outdated traditions inherent in young families, but in general, the system of traditional ethno-gender views continued to be present in the life of citizens during that period, including in the behavior associated with the birth of a child. However, the symbolism associated with the attributes of the birth of children in the 1950s–60s. (maternity hospital, solemn meeting of the spouse with the child, etc.) can already be considered as part of the nostalgia for the Soviet past.

The factors shaping such nostalgia were: the transition from rustic birth traditions to urban practices; to the accelerated decision to have a child in young families in order to get the unscheduled housing (a room in a communal (shared) apartment or a separate apartment).

Keywords: maternity practices, everyday life, city, history of the USSR, women’s memory

For citation: Zhidchenko, A.V. (2022), “Household practices of the post-war Soviet city in the memory of the residents of the city of Salavat as an example of ‘sovnostalgia’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, part 2, pp. 287–296, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-287-296

Введение

Преимущество поколений имеет важное значение в формировании национальной идентичности, поэтому ее изучение становится все более актуальным на современном этапе в связи с ростом важности тем, связанных с укреплением потенциала исторической памяти и культурной идентичности. В предлагаемой

работе с позиции цивилизационного взгляда ставится вопрос о соприкосновении двух культурно-исторических традиций – восточной и западной в рамках такой темы, как рождение детей.

Поликультурными центрами в нашей стране становились города, в которые приезжали жить и работать представители всех союзных республик. Одним из таких был г. Салават Башкирской АССР 1950–1960-х гг., который и будет рассмотрен в качестве объекта исследования.

В предлагаемой работе мы попробуем сформулировать основное проблемное поле, связанное с тематикой изучения места бытовых (главным образом, родильных) практик в повседневной жизни советских горожанок в 1950–1960-е гг. Данное исследование носит междисциплинарный характер и связано с проблематикой этногендерного подхода [Пушкарева 2011], теории исторической памяти и теории городского культурно-исторического пространства [Рыженко 2010, с. 9–19]. Предлагаемый термин «совностальгия» раскрывает аспекты социальной исторической памяти сквозь призму положительных оценок простых и обыденных бытовых практик (к которым, в том числе, можно отнести и традиции, связанные с деторождением).

Салават: история города в контексте исторической памяти

Создание нефтехимического комплекса за Уралом восходит еще к 1934 г., когда в составе Главного Управления нефтяной промышленности был образован трест «Востокнефть», проводивший поисково-разведочные работы на огромной территории, включавшей Западно-Сибирскую низменность. Но реальное освоение территории нефтяниками началось только после войны. С точки зрения М.В. Комгорта, «энергетическая компонента советской экономики приобретала особое значение в связи с необходимостью осуществления масштабной программы создания материально-технической базы строительства коммунизма, намеченной XXII съездом КПСС» [Комгорт 2010]. Статистические данные свидетельствуют, что в середине 1950–1960-х гг. нефтяная промышленность была одной из приоритетных отраслей для Башкирской АССР.

Строительство комбината и поселка было поручено тресту «Ишимбайгазстрой». Уже летом 1948 г. из ставропольских, саратовских, горьковских и других высших и средних учебных заведений прибыло 30 молодых специалистов. К ним присоединились

600 строителей, которые расселились в ближайших деревнях [Киреев 1998, с. 7]. При этом отметим, что выпускники строительных институтов и техникумов, а также просто рабочие, прибывшие на стройку, ранее были как сельскими, так и городскими жителями. Многие из них уже были знакомы с повседневностью советских сел, и поэтому адаптироваться к новым условиям им было не сложно. Однако для многих печное отопление, отсутствие благоустроенного жилья, деревенские традиции становились испытанием. Поэтому некоторые прибывшие на строительство г. Салавата люди уезжали либо на другое место работы, либо возвращались в свои родные города. Однако такие случаи были скорее исключением.

Интересно, что в строительстве нового города участвовали представители трех основных народностей, проживавших здесь (русские, башкиры и татары), а также прибывшие украинцы, белорусы, азербайджанцы, кабардинцы и балкарцы, грузины, марийцы, удмурты, казахи. Среди приехавших было много как женщин, так и мужчин – некоторые приезжали вместе с семьями, некоторые по одному, многие парами. Именно женщины вели хозяйство в том временном жилище, в котором они останавливались, привнося в дом элементы социокультурных традиций быта и повседневной жизни, унаследованной от предков. Повседневные дела, одежда, кухня, праздники – все это проявлялось в этногендерных отношениях сельского пространства, призванного стать плацдармом для формирующегося пространства городского.

Представителям столь широкого спектра народностей, приехавших со всего Советского Союза, приходилось жить в селах трех типов – русских, башкирских и татарских, окружавших строящийся г. Салават.

Родильные и бытовые практики как часть этногендерных особенностей Салавата

Стоит отметить, что культурно-историческая традиция проживания русских, башкир и татар в селах была различной. Житель Салавата Митхад Гайфулович Разимкулов вспоминал о жизни тех лет:

Жил в деревне Алагват. Мы были татары и многому учились у русских, а те учились у нас. Обменивались опытом. Мы не садили ни лук, ни огурцы, все выдавал колхоз. И мы это хранили в сарае, а

когда ударили морозы, то все замерзло. И меня мама просила сбегать в Русскую деревню. До нее было всего два километра – я туда бежал к тете Даше. Она засучивала рукава, спускалась в погреб и лезла за квашенной капустой в большую бочку. Капуста была порублена на три или четыре части. Доставала оттуда, прямо не вымыв руки, – для меня как для татарина все это было видеть непривычно. А мы, например, помогали русским что-то продать...¹

Беременность и появление на свет долгожданного ребенка в культуре башкир, как и в культурах большинства других народов, было радостным событием. Башкиры, как и все народы, религиозную основу которых составлял ислам, стремились иметь большую семью. В период беременности женщина освобождалась от тяжелого физического труда и всяческих волнений, стрессов и переживаний. Считалось, что если будущая роженица будет смотреть на все красивое, то и ребенок обязательно появится на свет красивым. Беспрекословно исполнялись их прихоти и желания, хотя будущая мать старалась не злоупотреблять своим положением. Аналогичные традиции мы можем найти и в культуре русского населения.

Во время самих родов в сельский местности приглашалась повитуха, а все члены семьи на это время покидали дом. При необходимости к роженице мог зайти только муж. По башкирским и русским традициям повитуха пользовалась большим почетом и уважением, ведь именно она обеспечивала появление на свет нового члена семьи, а также обладала такими знаниями и опытом, какими больше никто в деревне обладать не мог.

В начале XX в. в деревнях, прилегающих к будущему городу Салавату, как в целом в традиционной культуре, повитуха входила в дом с правой ноги, желая женщине легких родов. На праздник наречения имени (исэм туйы) приглашали муллу, родственников и соседей, подавался обед с национальными блюдами. Во время обряда мать малыша преподносила подарки повивальной бабке, свекрови и своей матери – платье, платок, шаль или деньги [Фаттахова 2012, с. 14]. Известен также обряд, в ходе которого одна из пожилых женщин, жившая в том же селе, отрезала пучок волос ребенка и закладывала его между страницами Корана. С тех пор она считалась «волосяной» матерью малыша.

Этап трансформации в практиках деторождения наступил в прилегающих к будущему г. Салавату деревнях. Журналисты, которые были в Салавате в этот период, писали:

¹ Воспоминания, записанные автором, 2014.

В первое время в Салават ежегодно приезжало порядка 4–5 тыс. человек со всего бывшего Советского Союза, и столько же уезжало. Поначалу большинство первостроителей жило в Ишимбае и в прилегающих к новостройке небольших деревнях².

В 1952 г. вышел первый номер газеты «Сталинская новостройка», в котором говорилось о планах строительства на 1952 г.: 97 каменных двух- и трехэтажных домов на 1060 квартир, 66 деревянных одно- и двухэтажных домов на 1850 комнат, 50 сборных домов на 1–2 квартиры, кинотеатр, школа ФЗО, ремесленное училище, две столовых, два детских сада и двое яслей, больничный городок, пять магазинов и колхозный рынок. В том же году началось строительство Дворца культуры, Дома Советов, гостиницы, стадиона, парка культуры и отдыха [Киреев 1998, с. 13]. Новый город строился ударными темпами: за 2–4 года появились такие улицы, как Первая, Пушкина, Гафури, Ленина, Мира и др. [Киреев 1998, с. 15].

Разумеется, столь масштабное и ускоренное жилищное строительство нового города позволяло приехавшим сюда молодым людям как можно быстрее создавать семью и обзаводиться детьми (семьи с детьми имели больше шансов на получение нового жилья – комнаты в коммунальной квартире до конца 1950-х гг. или отдельной квартиры в последующий период). Так, именно дети в новых семьях становились не только весомой частью семейного счастья и неформальным залогом крепкого брака, но и неким инструментом получения жилья в условиях советской действительности.

В ходе урбанизации и строительства новых микрорайонов г. Салавата представителям разных национальностей предстояло пережить еще одну трансформацию своей повседневной жизни и быта – перейти от сельского образа жизни к городскому, то есть переехать из дома в деревне, где многие жили и с самого рождения, а кто-то временно, в новые благоустроенные квартиры.

Родильные практики горожанок как часть совностальгии

Уже 12 июня 1954 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «молодой степной поселок» был преобразован в город, получивший имя национального героя башкирского народа Сала-

² Город Салават: К 50-летию города / Автор и сост. текста Р. Зыкина. Уфа: Слово, 1998. С. 14.

вата Юлаева. Первоначальный поселок был рассчитан на 25 тыс. человек, но уже к 1965 г. здесь проживало около 85 тыс. жителей.

До конца 1950 г. службы родовспоможения в г. Салавате не было. Всех беременных, рожениц и родильниц обслуживал г. Ишимбай. В конце 1950 г. впервые были развернуты две акушерские койки в бараке при Санитарном отделе Управления комбината (САНО), просуществовали они до февраля 1954 г. Первые врачи: А.А. Тюкаева, И.Я. Кнор, Н.А. Головина. Первые акушерки: Н.Я. Николаева, Анисимова, Е.Г. Вуколова, Е. Дружинина

Уже с открытием родильного дома в Ишимбае стали меняться культурно-исторические традиции живших в этом районе сельчан. С одной стороны, сила традиций, религиозных обрядов, которые передавались из поколения в поколение, имела важное значение для каждой семьи. С другой стороны, тенденция урбанизации, городской образ жизни, большое число приезжих из западных регионов страны отодвигали многие из этих вековых традиций на второй план. Эти трансформации были характерны не только для башкир, татар, чувашей и других народов, населяющих эти места, но и для русских, украинцев, белорусов. Эти изменения заметно сказывались на культурно-исторических нормах, связанных с рождением детей.

22 февраля 1954 г. в Салавате открывается родильное отделение при МСЧ комбината № 18. В июле 1954 г. впервые были выделены гинекологические койки в этом же здании. 1955 г. – всего развернуто 75 коек: акушерских – 50, гинекологических – 25. В 1961 г. в городе открывается гинекологическое отделение по улице Северной на 50 коек. Год спустя впервые открывается наблюдательное родильное отделение при МСЧ СМЗ. В 1962 г. в городе развернуто всего 165 коек: акушерских – 65, гинекологических – 90.

Современный салаватский городской родильный дом был открыт в 1965 г. В январе 1965 г. впервые открывается женская консультация на 11,5 врачебных участков. В 1967 г. гинекологическое отделение развернулось в 2-этажном здании на 70 коек, а с 1970 г. – на 90 коек. В ноябре 1968 г. открылось отделение патологии беременных на 30 коек³.

В новый советский город прибыло много молодых людей с разных концов страны. Все они были готовы создать новую семью и завести детей именно здесь, в Салавате, работая на нефтеперерабатывающем заводе. Среди них были, помимо коренного башкирского населения, украинцы, прибалтийцы, молдаване, представители

³ Салават: Города нашей республики. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1965. С. 11.

кавказских народов. Каждый из них был носителем собственной культуры, но здесь, на новом месте, в условиях советской унификации образа жизни, традиции стирались и становились второстепенными. Наиболее заметный факт подобной трансформации – поведение представителей различных культур во время появления на свет нового члена семьи. Чаще всего здесь то, что касается непосредственно родового обряда (принятие родов в родильном доме), становилось унифицированным, равно как и здоровьесбережение матери на этапе до и после родов. Однако то, что касалось не медицинского, а социально-бытового аспекта факта рождения ребенка, оставалось самобытным.

Так, например, у живших на территории Башкирской АССР немцев в первые недели, по поверью, матери и ребенку угрожала опасность, исходящая «от злых сил». Поэтому только по истечении опасного периода (от 9 дней до 9 недель) родственники и соседи могли прийти и подарить подарки новорожденному. Обычно дарили пеленки и распашонки, хлеб и вино [Смирнова 2017]. Эти обряды сохранились у многих немцев, живших в городских квартирах в 1950–1960-е гг.

Заключение

Таким образом, бытовые практики как в широком смысле, так и в более узком, связанном с рождением детей, в пространстве нового советского города в 1950–1960-е гг. можно рассматривать как часть совностальгии. Строительство родильных домов в городах, рост медицинского обслуживания на предприятиях и при женских консультациях, а также общие признаки городской повседневности в этот период позволили отказаться молодым семьям от многих традиций, однако сохранить этногендерные взгляды в поведении, связанном с рождением ребенка. Символика, связанная с атрибутами рождения детей (родильный дом, торжественная встреча супруги с ребенком), также может рассматриваться как часть ностальгии по советскому (или «совностальгия»).

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-28-01428) «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)».

Aknowlegements

This article has been prepared with financial support from of the Russian Science Foundation (science project no. 22-28-01428) “Women’s history as the basis of Russian social optimism (non-metropolitan urban everyday life of the middle of the 20th century)”.

Литература

- Киреев 1998 – *Киреев Н.М.* Мы построили город в степи. Уфа: Китап, 1998. 128 с.
- Комгорт 2010 – *Комгорт М.В.* Стратегия освоения нефтегазовых ресурсов восточных районов страны в промышленной политике государства (1920–1960-е гг.) // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты: Материалы межрегион. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 87–91.
- Пушкарева 2011 – *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М., 2011. 284 с.
- Рыженко 2010 – *Рыженко В.Г.* Образы и символы советского города в современных исследовательских опытаx: региональный аспект: Монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 312 с.
- Смирнова 2017 – *Смирнова Т.Б.* Семейные обряды и обычаи немцев Западной Сибири. Омск, 2017. 144 с.
- Фаттахова 2012 – *Фаттахова Т.Д.* Традиционные родильные обряды у саратовских башкир // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 7. Вып. 49. С. 13–20.

References

- Fattakhova, T.D. (2012), “Traditional maternity rites among the Saratov Bashkirs”, *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 7, iss. 49, pp. 13–20.
- Kireev, N.M. (1998), *My postroili gorod v stepi* [We built a city in the steppe], Kitap, Ufa, Russia.
- Komgort, M.V. (2010), “Strategy for the development of the oil and gas resources in the eastern regions of the country in the state industrial policy (1920–1960s)”, *Stanovlenie industrial’no-urbanisticheskogo obshchestva v Uralo-Sibirskom regione: podkhody, issledovaniya, rezul’taty: Materialy mezhregion. nauch. konf.* [Formation of an industrial-urban society in the Ural-Siberian region. Approaches, research, results. Proceedings of the interregional scientific conference], Parallel’, Novosibirsk, Russia, pp. 87–91.
- Pushkareva, N.L. (2011), *Chastnaya zhizn’ zhenshchiny v Drevnei Rusi i Moskovii: nevesta, zhen, lyubovnitsa* [Private life of a woman in ancient Russia and Muscovy. Bride, wife, mistress], Moscow, Russia.

- Ryzhenko, V.G. (2010), *Obrazy i simvolyy sovetskogo goroda v sovremennykh issledovatel'skikh opytakh: regional'nyi aspekt* [Images and symbols of the Soviet city in modern research experiments: A regional aspect. A monograph], Izd-vo Omskogo gos. un-ta, Omsk, Russia.
- Smirnova, T.B. (2017), *Semeinye obryady i obychai nemtsev Zapadnoi Sibiri* [Family rites and customs of the Germans of Western Siberia], Omsk, Russia.
- Zykina, R. (1998), *Gorod Salavat: K 50-letiyu goroda* [Salavat City. On the 50th Anniversary of the City], Slovo, Ufa, Russia.

Информация об авторе

Александр В. Жидченко, кандидат исторических наук, доцент, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32А; travel822@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr V. Zhidchenko, Cand. of Sci. (History), associate professor, RAS Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninsky Avenue, Moscow, Russia, 119334; travel822@yandex.ru